

ББК 87.228.1

Г. С. Смирнов, Д. Г. Смирнов

В ПОИСКАХ НООСФЕРНОГО ЯЗЫКА: АКТУАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

В центре внимания авторов статьи — концепт «ноосферный язык», рассматриваемый через призму философии сознания. Предлагается компаративистский анализ современных глобальных трактовок языка в контексте учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Соотносятся понятия «язык ноосферы» и «ноосферный язык», предлагаются их дефиниции в рамках философского дискурса. Анализируются реконструируемые характеристики ноосферного языка. Формулируется семиотическое представление о ноосферном языке как репрезентации глобальной реальности.

Ключевые слова: глобальное сознание, глобальный язык сознания, язык ноосферы, ноосферный язык, ноокосмос, логосфера.

The concept of the «noospheric language» is analyzed in the article through the prism of consciousness philosophy. A comparative analysis of the modern language interpretations is proposed in the context of Vernadsky's teaching about the transition of biosphere into noosphere. The concepts «language of noosphere» and «noospheric language» are correlated, their definitions are suggested within the framework of philosophical discourse. Characteristics of the noospheric language are analyzed. A semiotic concept of the noospheric language as a representation of a global reality is formulated.

Key words: global consciousness, global language of consciousness, language of noosphere, noospheric language, noocosmos, logosphere.

Вместо введения: исследовательская гипотеза

Язык и сознание — вечная тема философии. Сначала язык озвучивает сознание для близкого круга, но в конечном итоге в форме письменности делает его видимым для многих, в пределе для всего человечества, для вечности. Триада «сознание — мышление — язык» в философии сознания играет особую методологическую роль: в ней проявляется гегелевская формула «опредмечивания и распредмечивания»; более того, именно через нее осуществляется свое космическое движение основной ноосферный закон «информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество» [7]. Сознание

© Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

как свернутая спираль информации развертывает и запускает антропологические энергетические потоки, делая их овеществленными и осуществленными.

Потоки сознания человечества в глобальную информационную эпоху подобны потокам рек, текущим к озерам, морям и океанам. Само глобальное сознание современного человечества столь же мало изучено, как и реальный мировой океан — гидросфера планеты Земля. Настоящая статья раскрывает потенциал ноосферного дискурса в рассмотрении феномена глобального сознания [21], а именно результирующее предметное преломление на стыке философии сознания [23] и философии языка в рамках социогуманитарного знания [27].

Языки глобального сознания не только все более точно и полно описывают реальность общечеловеческого бытия, но и все более способствуют ее переструктурированию и преобразованию. Учитывая особенности языковой интерпретации принципа дополнительности И. Р. Пригожиным, следовало бы сказать, что множественность языков познания обеспечивает постижение космопланетарности человеческого бытия. При этом каждый из языков расширяется и совершенствуется для максимального охвата биосферно-ноосферной реальности, стремится стать глобальным языком. В этой глобальной комплементарности таится много сложностей, но именно языковая коэволюция обеспечивает эффективный диалог человека с человеком и человека с природой.

От языка ноосферы к ноосферному языку

На страницах научного и публицистического наследия В. И. Вернадского вряд ли удастся найти термин «ноосферный язык». Ученый вообще очень бережно, если не сказать трепетно, относился к работе с понятиями. Вместе с тем внимательный читатель найдет в его трудах релевантные нашей теме размышления. Так, В. Н. Василенко обратил внимание на замечание В. И. Вернадского в отношении Гёте: «Высший смысл жизни Фауста он видел в овладении природой, силами науки для блага народных масс, в создании наукой, я бы сказал, языком XX в., — ноосферы» [5, с. 251]. Интерпретировать этот пассаж можно по-разному. Трактовка В. Н. Василенко примечательна, хотя немного и искажает изначальный смысл суждения: он приходит к идее об «общем языке мысли» [4, с. 91]. «Мудрое овладение законами природы, — пишет он в продолжение, — превращение научных знаний, институтов науки, ее достижений в блага народных масс В. И. Вернадский назвал языком XX в. — языком ноосферы» [4, с. 94]. И далее: «В ноононимах (языке) самоопределения, формах (азбуке) самоидентификации Человека, Личности, Граждан реализуются основы ноосферной антропологии поколений *Homo sapiens institutus*, принципы ноосферологии гражданства, вектор ноосферной футурологии субъектов глобального общества, выражающий императивы ноосферной глобалистики» [4, с. 98]. Мы в целом разделяем эвристичную идею ноононимов, если, конечно, не брать в расчет этимологию этого неологизма. В нашем представлении ноононимы есть выкристаллизованные формы сознания (неизбежно предстающие и как формы-способы самоописания), способные «подстраивать» под себя материю. Именно в этом, вероятнее всего, и заключается смысл обнаруженного В. Н. Василенко концепта «язык ноосферы».

Размышления В. Н. Василенко во многом продолжают линию В. Ю. Татура, продемонстрировавшего, что концепция биосферы

В. И. Вернадского «позволяет по-новому посмотреть на происхождение, смысл, формы и будущее языка» [24, с. 168]. Суть его концепции может быть сведена к следующему. «Целое развивается и структурируется, в частности, посредством языка, т. е. ... язык, в том числе и человеческий, есть функция Целого, способ его развития и структуризации, есть инструмент целостности для своего изменения» [24, с. 170]. И далее: «Язык существует внутри Целого и служит не только для обеспечения коммуникативных функций существ, но и для развития и структурирования самого Целого. Через язык Целое заявляет о себе и общается с нами» [24, с. 171].

Для нашего исследования значимой является мысль Ю. В. Татур о том, что «чем сложнее язык, чем выше его лингвистическая сложность, тем ближе он к передаче свойств целостности, к представлению и описанию сложных процессов» [24, с. 183]. Пафос размышлений автора с учетом его признания, что «язык, как выражение Единого, не обязательно имеет звуковую форму», это может быть и символ [24, с. 184], комплементарен нашим представлениям о семиосфере как репрезентации ноосферы [22].

Ю. В. Татур не использует ни термин «ноосферный язык», ни понятие «язык ноосферы». Вместе с тем сама логика автора подводит нас к заключению, что под Целым (Единым) он понимает не что иное, как «системно организованное всеобщее» [7] — Ноосферу (хотя, как показывает контент-анализ, на протяжении всего повествования главной для него остается все же биосфера). Резюмируя содержание авторской позиции, можно сказать, что «изменение языка ведет к изменению организации» системы [24, с. 182], а Целое, в свою очередь, «говорит о своей структуре, задачах, смыслах» через язык [24, с. 184]. В этом аспекте русский язык, которому Ю. В. Татур отводит особое место в системе глобальных языков, оказывается, по сути, языком ноосферы [24, с. 185].

Своеобразным продолжением изложенного выше оказывается концепция В. А. Полосухина и Ю. В. Артюхович: «Исходным измерением информационного поля, “голосом бытия”, внутри которого человеческое существо в состоянии отозваться на зов ноокосмоса, является наш язык. Через это измерение осуществляется прямая и обратная связь между человеком и ноокосмосом. Поэтому язык — не случайное явление в истории народа, он имеет свои, неведомые пока законы взаимосвязи с информационным полем. С помощью языка осуществляется трансцендентальная связь человека с информационным полем ноокосмоса в передаче явленной и неявленной информации. Такая информация передается через людей, способных к ее восприятию: пророков, ученых, мыслителей, деятелей политики и искусства, которые в своем творчестве прорываются через логосферу к ноокосмическим вершинам духа» [16, с. 140]. Подобная постановка проблемы переводит разговор из плоскости широко понимаемого языка ноосферы (язык Природы в контексте философии русского космизма [26]) в плоскость ноосферного языка. В нашем случае язык ноосферы (если принять во многом метафорический флер данного термина) — это знаковая система, опосредующая в человекосообразных символах информацию, идущую от ноосферы. Ноосферный язык, в свою очередь, предстает как система адекватных (адаптивных) реальности форм выражения собственно человеческого понимания процесса разворачивания ноосферы как системно организованного всеобщего.

К вопросу о языке описания системы «Природа — Человек — Общество»

В рамках современной ноосферологии проблема языка описания сознания [11], в том числе ноосферного сознания [19], рождающегося в результате планетных процессов противоречивого перехода биосферы в техносферу и ноосферу, находится в неразрывной связи с проблемой ноосферного языка.

В качестве отправной здесь следует считать точку зрения О. Л. Кузнецова и Б. Е. Большакова, которые, рассматривая естественно-научные и гуманитарные принципы глобального кризиса и ноосферную парадигму перехода к устойчивому развитию, указывают на возможность и необходимость создания специального языка для описания системы «природа — общество — человек» [14, с. 3]¹. Как и названные выше исследователи, они выводят идею ноосферного языка непосредственно из работ В. И. Вернадского (напр.: [6]), ставившего задачу «выразить различные формы движения», что предполагало «выразить их на универсальном языке пространства-времени», и междисциплинарного языка синергетики [14, с. 10]. О. Л. Кузнецов и Б. Е. Большаков ведут речь о «ноосферном ЛТ-языке», понимая под последним «многомерный пространственно-временной язык, который сшивает воедино законы разных научных парадигм, устанавливает связь между естественными, социальными и духовными мерами и, используя Единый, доступный человеческому сознанию язык, дает возможность генерировать новые знания о законах системы “Космос — Земля — Биосфера — Человечество — Человек”» [14, с. 11]².

Не вдаваясь в собственно научные нюансы анализируемой точки зрения, отметим, что ноосферный язык, точнее, один из его инвариантов (о чем говорит и само название — ЛТ-язык), предстает как сугубо научный язык описания процессов самоорганизации, протекающих в космопланетарной метасистеме. Авторы языка приводят примеры перевода на ЛТ-язык некоторых принципов и положений: закона сохранения мощности [15, с. 94], принципа живучести [15, с. 95], циклического закона развития жизни [там же]. Эвристичность подобного языка не подлежит сомнению, ибо он реализует обозначенный выше принцип дополнительности языков описания реальности (правда, в урезанном формате)³. Вместе с тем представляется, что внутренняя форма ноосферного языка несоизмеримо богаче, нежели универсальное кодирование с его помощью разнопорядковых законов и принципов, унификация и установление соответствий между понятиями, категориями,

¹ Очевидно, что теоретико-методологический фундамент этой точки зрения был заложен гораздо раньше [1].

² Вместе с тем они делают существенную оговорку, многое проясняющую в приведенной дефиниции: «...ноосферный ЛТ-язык — это научный язык для создания системы специального научного и информационного обеспечения управления» [14, с. 11]. Обратим внимание и на то, что в последние годы, по крайней мере, Б. Е. Большаков дистанцируется от термина «ноосферный ЛТ-язык», ограничиваясь лишь указанием на ЛТ-технологии (см., напр.: [3, 2]).

³ Позиция авторов уже стала предметом (пусть и поверхностного) анализа в рамках философии русского космизма [18]. В целом языковой (лингвистический) срез наследия В. И. Вернадского оказался вне исследовательского фокуса философии. Исключение составляет ряд работ, в которых представлен скорее культурологический подход, нежели методология философской рефлексии (напр.: [25]).

положениями и обобщениями [13, с. 156]. В данном случае, следуя за И. В. Дмитриевской, показывающей, что «метаязыком для любого искусственного языка (а именно таким и является по своей сути ЛТ-язык. — Г. С., Д. С.) служит естественный язык, т. е. все построения искусственного языка переводимы на естественный язык и имеют в нем свое объяснение» [8, с. 24], мы подразумеваем рядоположение научному языку — языков мифопоэтического, религиозного, философского, художественного. Если принять гипотезу, выдвинутую П. Е. Калининим, позволяющую перекинуть когнитивный мостик от описания мозговой активности к описанию активности сознательной (индивидуальной и коллективной) [12, с. 82], то следует признать, что смысловая реальность в целом — это тот кластер сознания, который раскрывает себя в ноосферном языке.

Думается, что высказанное предположение не противоречит размышлениям О. Л. Кузнецова и Б. Е. Большакова, ибо соответствует требованиям, которые они предъявляют к ноосферному языку: синтетичности, универсализму, доступности, открытости (проективности).

«Ивановская» модель ноосферы: изологосные репрезентации

Размышления о языках глобального сознания, и в частности о ноосферном языке, во многом связаны с теоретико-методологическими установками Вяч. Вс. Иванова⁴, связывающего в своих трудах воедино философскую антропологию, философию языка, семиотику и лингвистику, а также ноосферологию (см., напр.: [10]). Для дальнейшего анализа обратимся к своеобразному опорному сигналу (см. рис.), предложенному Вяч. Вс. Ивановым в одной из статей для визуализации своих идей [28].

⁴ Знакомство регионального философского сообщества с творчеством ученого осуществил А. Н. Портнов, который, думается, в значительной мере старался идти той же дорогой (см.: [27]).

В невербальной форме приведенный рисунок дает представление том, как «устроена» ноосфера и многочисленные языки, ее описывающие. Этот достаточно простой по своим техническим средствам изотекст не только позволяет показать методологическую нагруженность ноосферного дискурса, но и может быть использован в образовательных и просветительских целях. Перед нами до некоторой степени переосмысленный изологосный околосказочный нарратив, характерный для «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери. Простота этого ноосферного текста не должна смущать. Он настолько энциклопедичен по своей сути, что следовало бы говорить об особом ноосферном изобразительном языке, образ которого подарил выдающийся знаток знаков и языков. Для Вяч. Вс. Иванова характерна особая модель ноосферных репрезентаций, включающая в себя как логосные (характерные для большинства современных ноосферных исследований), так и изобразительные (визуальные) мотивы. В действительности перед нами создание особой изологосной методологии представления исторически конкретных репрезентаций налично сложившихся образов ноосферы (ноосферной реальности).

Как же строится изознаковый образ ноосферы? Земное пространство, формирующееся из точки (клетки, на самом деле яйца — по форме на рисунке) сингулярности, представлено свернутой в клубок нитью Ариадны. И хотя, на первый взгляд, создается ощущение, что перед нами расходящееся спиральное пространство, на которое мы смотрим сверху, тем не менее следует иметь в виду и сферную интерпретацию объемного клубка: четыре с половиной миллиарда лет геологического развития свернуто в легком карандашном формате. Движение биосферного внешнего кольца происходит по часовой стрелке, но это не исключает и «некого» попятного движения, прежде всего в животных формах. Лишь фито- и рацио(антропо)формы, обладая асимметрией, не всегда выказывают свою интенциональность, но при этом не статичны, а подвижно-динамичны. Заметим, что на поверхности Земли растут не только обыкновенные деревья; перед нами раскрываются и знаки мирового древа. Что же касается животного мира, то его узнаваемые знаковые формы также очень часто превращаются в символические: вот знаменитый гумилевский жираф, а вот донкихотовский Росинант, не говоря уже о носителе блоковских страусиных перьев. Любой эмпирический знак в какой-то степени нагружен апперцепцией везде-вечного человеческого бытия, что совершенно не устраняет ярко выраженной биосферной сущности первого кольца знаков (ближней — земной — семиотической реальности)⁵.

Семиотический принцип в том виде, в котором он формулируется Вяч. Вс. Ивановым («в истории культуры отбираются те именно знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы» [9, с. 28]), показывает, что именно усложнение знаков, знаковых систем, знаковой среды как универсальных способов выхода человека во Вселенную

⁵ Творчество Вяч. Вс. Иванова в осмыслении ноосферных проблем представляется столь же значимым, как и творчество Н. Н. Моисеева. При поиске синтетической методологии в осмыслении ноосферных процессов российские (и советские) академики шли в одном направлении соединения естественно-научного и гуманитарного (социального) знания, но представили их разнородными, хотя и комплементарными формами. Для Н. Н. Моисеева характерна ориентация на доминирование философии и истории науки, для Вяч. Вс. Иванова — на когнитивные и семиотические проблемы.

составляет ткань человеческой истории. Отметим, что человек осуществляет этот отбор как бы опосредованно, их отбирает сама история и они сами («которые развитие направляется») определяют траекторию развития.

Семиотические императивы и язык: к вопросу о реальности ноосферного языка

Целостное описание глобального мира требует соответствующего его сложности языка [20]. При этом следует признать, что тот язык, о котором идет речь, тот язык, который иногда с трудом, иногда ясно и открыто выныривает на поверхность сознания, чтобы глотнуть воздуха мировости, выговаривает лишь малую часть общего потока энерго-информационного обмена, происходящего в ноосферной сверхсистеме. Знакование на атомном (нано-) уровне, на молекулярном, клеточном, организменном уровнях оказывается практически незаметным для человека. Лишь в XX в. оказалось возможным читать нечеловеческие языки биосферной эволюции, а значит, постепенно открывать для ноосферного универсума истоки языков понимающего сознания.

За многие миллионы лет навыки понимания бесконечного множества знаков естественной природы через формы инстинкта потерялись в результате создания естественно-искусственной и искусственно-естественной реальностей, для которых человек вынужден придумывать иные — инфотехногенные — языки и через них понимать и истолковывать знаки новой глобальной реальности. Биотехногенная среда обитания современного человека очень трудно трансформируется в ноосферную реальность, в которой аналитическая и рефлексивная, рациональная и иррациональная, логическая и интуитивная стороны отношения к космопланетарной среде в своей необходимой дополнительности порождают приближение к видимой и невидимой истине.

Нужно ли создавать язык для того, чтобы человек адекватно мог говорить о глобальной реальности? Это, фактически, риторический вопрос. Человеческая цивилизация последние 100 лет только и занимается тем, что сочиняет языки, на которых получалось бы хотя бы в какой-то мере говорить с Природой (Большой Природой), предстающей для нас как Ноосфера.

Для того чтобы научиться говорить с Природой, человек изобрел языки для говорения с самим собой и с другими людьми, точнее сказать, природа сама научила человека общаться с себе подобными, для того чтобы потом проверить, сможет ли он общаться с ней. Конечно, человеческие языки строились и создавались по моделям говорения с природой, но, как это всегда бывает, человечество слишком увлеклось самообщением, а затем и общением с социальными и техническими системами, которые искусственно возникали в процессе жизнедеятельности. А дальше возник соблазн говорить только между собой, человек постепенно разучился говорить с природой, считая этот диалог в значительной степени излишним.

Такова семиотическая судьба современной цивилизации. Русское космическое сознание (русский космизм) в известной мере сохранило навыки и способности общения с природой, что делает его актуальным для современного глобального (космопланетарного) бытия человечества. Особенно следует сказать о русском варианте говорения с природой — через русскую поэтическую и прозаическую (литературную) философию.

Правополушарные языки общения (говорения) с природой оказываются наиболее значимыми для формирования (эволюции) глобального сознания. Так возникает серьезная проблема поиска языкового универсума глобального сознания. Современное технократическое человечество разрабатывает компьютерные языки энергоинформационного взаимодействия в биосферно-ноосферной (на самом деле — вселенской) среде обитания, т. е. левополушарные языки информационного общения. Но чем глубже конфликт непонимания, тем значительнее оказывается потребность в развитии языков правополушарных, средства общения которых не столь точны, но интеллектуально более онтичны (сущностны) и даже онтологичны (ибо это языки прямого обмена знаками своего со-бытия).

Многообразные формы знакования для человека выступают формами общения с Природой (и той, которую называют живой и мертвой, и той, которую называют естественной и искусственной). Как же осуществляются процессы знакования в системе глобально-планетарного общения, создания биотехнососоционоосферного семиотического всеединства?

Собственно, вся философия сознания XX в. оказывается словно предназначенной для сильного синтеза глобального языка сознания. Вряд ли можно спорить с тем, что «правильное» языковое общение в информационном обществе способствует ослаблению и даже преодолению конфликтности сознаниевой реальности. Как объяснить, что западное и восточное христианство существуют в параллельных глобальных мирах, хотя принадлежат одной мировоззренческой реальности. Еще более страшно, когда сталкиваются не просто духовные субстанции, а географические миры одной планетной субстанции: Восток и Запад оказываются не менее конфликтноязычны. К. И. Штайн и Д. И. Петренко раскрывают «примирительную» природу языка через обращение к творчеству С. Н. Булгакова, для которого в словах говорит космос, отдающий идеи, раскрывающий себя (а слово мировое и человеческое — это «идеация» космоса) [26, с. 176], и концепцию «глобального космического синтаксиса» В. С. Юрченко [26, с. 179—181]. Согласимся, что в русском космизме особенно отчетливо звучит идея глобальности языка как постоянно создающейся и воссоздающейся системы символов, которые «запечатлевают и выражают многослойную систему коэволюции человека и природы» [26, с. 173].

Вместо заключения

Человеческая революция в XX в. фактически вырастает из череды революций — социальных, экономических, технологических, семиотических и информационных, но при этом ее особая природа (а человеческая природа имеет *коэволюционный* характер) видна в особенностях развития философской антропологии. «Новый диалог человека с природой» [17] являет собой попытку создания новых семиотических и «методологических» языков, благодаря которым человек перестанет читать природе свои техногенные монологи, а начнет осваивать диалогические и полилогические формы коммуникации с Природой, что и обеспечит не пресловутые «перестройки» или «модернизации», а конвергенции, коэволюции и, наконец, рано или поздно, — гармонизации.

Концепт «ноосферный язык», понятый в предельно широком смысле, указывает на живое пространство научной мысли как планетного явления, возникшее на стыке многих исследовательских областей, и в новом ключе поясняет мысль Вяч. Вс. Иванова о том, что книга В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» — это поистине «семиотическая книга». «Ноосферный язык» В. И. Вернадского, открытый в трудах Н. Н. Моисеева и Вяч. Вс. Иванова, разворачивающийся как семиотический язык, все более актуализируется на пространстве современной ноосферологии.

Библиографический список

1. *Большаков Б. Е.* Законы сохранения и изменения Биосферы — Ноосферы. М. : ВНИИСИ АН СССР, 1990. 72 с.
2. *Большаков Б. Е.* Робкая попытка осознать начала науки проектирования космического будущего мировой системы // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2016. Т. 12, № 4 (33). С. 197—229.
3. *Большаков Б. Е.* Алгоритм связи LT-языка с другими языками естественных и гуманитарных наук // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2017. Т. 13, № 1 (34). С. 38—59.
4. *Василенко В. Н.* Ноосферная глобалистика: императивы эволюции науки и истории человечества в природе // Эволюция, Мегаистория и глобальная эволюция : материалы симпозиума. Волгоград : Учитель, 2015. С. 73—104.
5. *Вернадский В. И.* Труды по всеобщей истории науки. М. : Наука, 1988. 336 с.
6. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 271 с.
7. *Дмитревская И. В.* Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1997. С. 8—27.
8. *Дмитревская И. В.* Антропный принцип в ноосферологии // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (14). С. 12—26.
9. *Иванов Вяч. Вс.* О выборе веры в Восточной Европе // Природа. 1988. № 12. С. 26—38.
10. *Иванов Вяч. Вс.* Наука о человеке. Введение в современную антропологию : курс лекций. М. : РГГУ, 2004. 196 с.
11. *Калинин П. Е.* Онтология целостного сознания: пространственно-временная организованность глобальной сознаниевой и языковой реальности. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2015. 264 с.
12. *Калинин П. Е.* Язык мозга и язык сознания: проблема соответствия // Ноосферные исследования. 2016. Вып. 1—2 (13—14). С. 80—88. URL: <http://glonoos.com/wp-content/uploads/Kalinin-2016-1-2.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).
13. *Кузнецов О. Л., Большаков Б. Е.* К юбилею академика В. И. Вернадского: русский космизм, глобальный кризис, устойчивое развитие // Современные производительные силы. 2013. № 3. С. 146—169.
14. *Кузнецов О. Л., Большаков Б. Е.* Русский космизм, глобальный кризис, устойчивое развитие // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. № 1. С. 3—21.
15. *Кузнецов О. Л., Большаков Б. Е.* Ноосферные законы и модели глобального устойчивого развития // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1 (191). С. 90—97.
16. *Полосухин В. А., Артюхович Ю. В.* Человек и природа в информационном пространстве : опыт философского осмысления. Волгоград : Волгогр. гос. техн. ун-т, 2015. 152 с.

17. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : (новый диалог человека с природой). М. : Прогресс, 1986. 432 с.
18. Сазонова Е. В. Мироззрение русского космизма и глобальные проблемы современности // Вопросы управления. 2015. № 4 (16). С. 49—55.
19. Смирнов Г. С. Философские и культурологические проблемы становления ноосферного сознания : дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 1998. 349 с.
20. Смирнов Г. С. Философия Вернадского: мирознание третьего тысячелетия // Ноосферные исследования. 2013. № 1 (1). С. 78—93. URL: http://glonoos.com/wp-content/uploads/Smirnov_G_-article.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
21. Смирнов Г. С. Образование ноосферы : философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
22. Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферной реальности: философско-методологический дискурс // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 52—59.
23. Смирнов Д. Г. Глобальное сознание человечества в дискурсе ноосферных исследований // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16). С. 84—93.
24. Татур В. Ю. Вернадскианская революция в лингвистике, или Язык как выражение Целого и как способ организации Единого // Вернадскианская революция в научно-образовательном пространстве России / под ред. А. И. Субетто, В. А. Шамахова. СПб. : Астерион, 2013. С. 168—187.
25. Фомина З. Е. Современные процессы глобализации в сфере языка, культуры и образования в контексте взглядов немецких мыслителей и теории В. И. Вернадского о взаимодействии культур и цивилизаций // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2006. № 6. С. 141—153.
26. Штайн К. И., Петренко Д. И. Русские космисты — философы языка: С. Н. Булгаков, В. С. Юрченко // Язык. Текст. Дискурс. 2014. Вып. 12, ч. 1. С. 170—184.
27. Языки глобального сознания : коллективная монография / под ред. Г. С. Смирнова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. 516 с.
28. *Ivanov Vyach.* Towards noosphere // *Candles in the Dark : a New Spirit for a Plural World.* Manchester ; Seattle ; London, 2002. P. 187—205.